

Боулби и Эйнсуорт о человеческой привязанности

Глава из книги У. Крэйна "Теории развития"

Джон Боулби (John Bowlby, 1907-1990) родился в Лондоне. Он учился в школе для одаренных детей, получил медицинскую и психоаналитическую подготовку и, начиная с 1936 г., принимал участие в работе с трудными детьми. В 1936 г. Боулби стал интересоваться нарушениями у детей, воспитываемых в детских домах. Он обнаружил, что дети, которые растут в детских домах и сиротских приютах, часто страдают различными эмоциональными проблемами, включая неспособность установить близкие и продолжительные отношения с окружающими. Боулби показалось, что такие дети неспособны любить потому, что на раннем этапе жизни упускают возможность крепко привязаться к материнской фигуре. Боулби также наблюдал подобные симптомы у детей, которые в течение некоторого времени росли в нормальных семьях, но затем были надолго разлучены с родителями. Казалось, что эти дети были настолько потрясены, что навсегда отказались от тесных человеческих связей. Подобные наблюдения убедили Боулби, что нельзя понять развитие, не уделив пристального внимания связи "мать - ребенок". Как эта связь формируется? Почему она столь важна, что, если ее нарушить, это приводит к тяжелым последствиям? В своем поиске ответов Боулби обратился к этологу (Ainsworth & Bowlby, 1991; Tanner & Inhelder, 1971).

Теория привязанности: общий обзор

Боулби утверждал, что мы можем понять человеческое поведение, только рассмотрев его среду адаптации (environment of adaptedness), основную среду, в которой оно формируется (Bowlby, 1982, p. 58). На протяжении большей части истории человечества люди, вероятно, перемещались небольшими группами в поисках пищи и часто подвергались опасности нападения со стороны крупных хищников. В момент угрозы люди, подобно другим группам приматов, вероятно, сотрудничали, чтобы прогнать хищников и защитить больных и детей. Чтобы получить эту защиту, детям необходимо было находиться рядом со взрослыми. Если ребенок терял с ними контакт, он мог погибнуть. Таким образом, у детей должны были сформироваться привязывающие модели поведения (attachment behaviors) - жесты и сигналы, которые обеспечивают и поддерживают их близость к опекунам (p.182).

Один из явных сигналов - плач малыша. Плач - это сигнал бедствия; когда младенец испытывает боль или напуган, он плачет, и родитель должен спешить на помощь, чтобы выяснить, что случилось. Еще одним привязывающим действием является улыбка

малыша; когда малыш улыбается, глядя на родителя, родитель испытывает к нему любовь и ему приятно быть рядом. Другие привязывающие действия включают в себя лепетание, цепляние, сосание и следование.

Боулби предположил, что привязанность ребенка развивается следующим образом. Сначала социальные реакции малышей не отличаются разборчивостью. К примеру, они будут улыбаться любому лицу или плакать из-за ухода любого человека. Однако в возрасте от 3 до 6 месяцев малыши сужают направленность своих реакций до нескольких знакомых людей, формируют явное предпочтение в отношении одного человека и затем начинают относиться с настороженностью к незнакомым людям. Вскоре после этого они становятся более подвижными, начинают ползать и играют более активную роль в удержании рядом основного объекта привязанности. Они следят за тем, где находится этот родитель, и любой знак, указывающий на то, что родитель может внезапно уйти, вызывает с их стороны реакцию следования. Весь процесс - фокусирование на основном объекте привязанности, который затем вызывает реакцию следования, - соответствует импринтингу у других видов. Подобно детенышам многих других видов, у малышей вырабатывается им-принтинг на определенный объект привязанности и они настойчиво следуют за этим родителем, когда он удаляется.

В своих трудах Боулби намеренно использовал этологические термины "инстинкт" и "импринтинг" в широком смысле. Он хотел показать, что эти понятия приложимы к человеческому поведению в своем общем виде, не как исключительно точные, детализированные определения (р. 136,220). Тем не менее Боулби чувствовал, что эти этологические понятия дают надежные объяснения, которых он искал. Он говорил, что когда впервые узнал о них в 1950-х гг., то готов был воскликнуть: "Эврика!" (Кагер, 1994, р. 90). В частности, он понял, почему младенцы и маленькие дети бывают так потрясены, когда их разлучают с родителями. Будучи продуктом эволюции, ребенок испытывает инстинктивную потребность оставаться рядом с родителем, на которого у него выработался импринтинг. Эта потребность присутствует в каждой частице существа ребенка; без нее человеческое сообщество не смогло бы выжить. На определенном уровне ребенок иногда сам может чувствовать, что утрата контакта с родителем означает, что он погибнет.

Давайте теперь рассмотрим фазы, через которые проходит нормальное развитие привязанности к опекунам у малышей.

Фазы привязанности

Фаза 1 (рождение - 3 месяца) неразборчивая реакция на людей.

В первые 2-3 месяца жизни малыши демонстрируют различные виды реакции на людей, но, как правило, они реагируют на людей одними и теми же базовыми способами¹.

Сразу же после рождения малыши любят слушать человеческие голоса и разглядывать человеческие лица (Fantz, 1961; Freedman, 1974" p. 23). К примеру, одно исследование показывает, что малыши, родившиеся всего лишь 10 минут назад, предпочитают лицо другим визуальным стимулам: они вытягивают свою голову дальше, когда следуют за точной копией лица, нежели когда следуют за отдаленным подобием лица или за чистым листом бумаги (Jirari, in Freedman, 1974, p. 30). Для этологов, таких как Боулби, это предпочтение предполагает генетическую предрасположенность к визуальному паттерну, который вскоре пробудит одно из наиболее эффективных привязывающих действий, социальную улыбку.

В течение первых 3 недель или около того малыши иногда улыбаются с закрытыми глазами, обычно перед тем как заснуть. Эти улыбки еще не являются социальными; они не направлены на людей. Примерно в 3-недельном возрасте младенцы начинают улыбаться при звуке человеческого голоса. Это социальные улыбки, но они по-прежнему мимолетны (Freedman, 1974, p. 178-179).

Наиболее впечатляющие социальные улыбки появляются в возрасте 5-6 недель. Малыши улыбаются счастливо и широко при виде человеческого лица, и их улыбка включает в себя контакт глаз. Можно угадать, когда такие визуальные улыбки вот-вот появятся. Примерно за неделю до этого малыш начинает внимательно всматриваться в лица, как бы изучая их. Затем лицо малыша озаряет широкая улыбка (рис. 3.2). В жизни родителя этот момент часто оказывается окрыляющим; родитель теперь имеет "доказательство" любви малыша. При виде малыша, смотрящего вам прямо в глаза и улыбающегося, вас начинает переполнять глубокое чувство любви. (Даже если вы не родитель, то могли испытывать схожее чувство, когда вам улыбался младенец. Вы не можете не улыбнуться в ответ и вам кажется, что между вами и малышом устанавливается какая-то особая связь.)

¹ Боулби (1982, p. 266) признавал, что отсутствие у малыша разборчивости имеет ряд исключений, таких как его способность узнавать голос матери. Последние эксперименты позволяют предположить, что малыш может делать это сразу же после рождения (Fogel, 1997, p. 19, 173-174).

Фактически, примерно до 3-месячного возраста малыши будут улыбаться любому лицу, даже его картонной модели. Главное условие состоит в том, чтобы лицо было видно полностью или в фас. Профиль намного менее эффективен. Кроме того, на этой стадии голос или ласка являются относительно слабыми инициаторами улыбки. Поэтому представляется, что социальную улыбку малыша вызывает вполне определенный визуальный стимул (Bowlby, 1982, p. 282-285; Freedman, 1974, p. 180-181,187).

По мнению Боулби, улыбка способствует привязыванию потому, что обеспечивает близость опекуна. Когда малыш улыбается, опекун наслаждается тем, что находится рядом с младенцем; опекун "улыбается в ответ, разговаривает с ним, гладит и похлопывает его, и, возможно, берет его на руки" (Bowlby, 1982, p. 246). Улыбка является средством, которое способствует взаимному проявлению любви и заботы - поведению, которое повышает шансы ребенка на то, что он будет здоровым и жизнеспособным.

Рис. 1. Вид малыша, который улыбается, глядя на вас, пробуждает любовь и способствует привязанности.

Примерно в тот период, когда малыши начинают улыбаться лицам, они также начинают лепетать (ворковать и гулить). Они лепечут в основном при звуке человеческого голоса, и особенно при виде человеческого лица. Как и в случае улыбки, лепет первоначально не избирателен; малыши лепечут, почти независимо от того, какой человек находится рядом. Лепет малыша радует опекуна, побуждая его что-то говорить в ответ. "Лепет, как и улыбка, является социальным стимулом, который выполняет функцию удержания материнской фигуры рядом с младенцем, обеспечивая социальную интеракцию между ними" (p. 289).

Плач также сближает родителя и ребенка. Плач подобен сигналу бедствия; он оповещает, что малышу требуется помощь. Малыши плачут, когда испытывают боль, дискомфорт, голодны или озябли. Они плачут, даже когда человек, на которого они смотрели, удаляется из их поля зрения, причем в первые недели жизни не имеет особого значения, кто этот человек. Малыши также позволяют почти любому человеку успокоить их, покачав или удовлетворив их потребности (p. 289-296).

Малыш также поддерживает близость путем цепляния. Новорожденный наделен двумя удерживающими реакциями. Одна - это рефлекс хватания; когда открытой ладони малыша касается любой объект, рука автоматически его сжимает. Другой - рефлекс Моро, который имеет место либо когда малышкой пугает громкий звук, либо когда они внезапно теряют опору (например, когда кто-то приподнимает им голову, а затем неожиданно ее отпускает). Они реагируют, простирая руки, а затем притягивая их назад и обхватывая свою грудь. Это действие похоже на то, как если бы малыш что-то обнимал (см. рис.1). В

далеком прошлом, рассуждал Боулби, эти рефлексы помогали малышам держаться за родителя, который носил их на себе. Если, к примеру, мать видела хищника и пускалась бежать, малыш должен был ухватиться рукой за какую-то часть ее тела (см. рис.2). И если малыш случайно отпускал руку, он обнимал мать снова (р. 278).

Рис.2. Рефлекс Моро: испуганный малыш демонстрирует реакцию обхватывания.

Малыши также наделены поисковым (rooting) и сосательным рефлексами. Когда кто-то касается их щеки, они автоматически поворачивают голову в ту сторону, откуда последовала стимуляция, и затем "ищут" или ощупывают, пока их рот не касается чего-то, что они затем начинают сосать. Поисковый и сосательный рефлекс, очевидно, облегчают кормление грудью, но Боулби также рассматривал их как паттерны привязанности, поскольку они приводят к взаимодействию малыша с матерью (р. 275).

Фаза 2 (от 3 до 6 месяцев): фокусирование внимания на знакомых людях.

Начиная с 3 месяцев поведение малыша меняется. Прежде всего исчезают многие рефлексы - включая рефлекс Моро, цепляния и поиска. Но Боулби показалось более важным то, что социальные реакции малыша становятся намного более избирательными. Между 3 и 6 месяцами младенцы постепенно ограничивают направленность своих улыбок знакомыми людьми? когда они видят незнакомца, то просто пристально смотрят на него (1982, р. 287,325). Малыши также становятся более разборчивыми в своем лепетании; к возрасту 4-5 месяцев они воркуют, гуляют и лепечут только в присутствии людей, которых знают (р. 289). Кроме того, к этому возрасту (и, возможно, задолго до него) их плач намного быстрее успокаивает предпочитаемая фигура (р. 279, 300). Наконец, к 5 месяцам малыши начинают тянуться и хвататься за части нашего тела, в частности за наши волосы, но делают это, только если нас знают (р. 279).

Затем в этой фазе малыши сужают свои реакции на знакомые лица. Они обычно отдают предпочтение двум или трем людям - и одному в особенности. Например, они очень охотно улыбаются или лепечут, когда этот человек находится рядом. Этим основным объектом привязанности обычно является мать, но бывают и исключения. Им может быть отец или какой-то другой близкий. По-видимому, у малышек формируется наиболее сильная привязанность к тому человеку, который с наибольшей готовностью отвечает на их сигналы и участвует в наиболее приятных взаимодействиях с ними (р. 306-316).

Фаза 3 (от 6 месяцев до 3 лет): интенсивная привязанность и активный поиск близости.

Начиная примерно с 6-месячного возраста привязанность младенца к определенному человеку становится все более интенсивной и исключительной. Наиболее примечательно то, что младенцы громко плачут, демонстрируя тревогу разлучения (separation anxiety), когда мать покидает комнату. Ранее они могли протестовать против ухода любого человека, который смотрел на них; теперь, однако, их расстраивает главным образом отсутствие этого единственного человека. Наблюдатели также подмечают интенсивность, с которой малыш приветствует мать, после того как она отсутствовала некоторое время. Когда мать возвращается, малыш, как правило, тянется к ней, чтобы она взяла его на руки, и когда она это делает, он обнимает ее и издает радостные звуки. Мать тоже демонстрирует свое удовольствие от воссоединения (1982, р. 295,300).

Новоявленная исключительность привязанности малыша к родителю также заметна в возрасте около 7-8 месяцев, когда у малыша возникает боязнь незнакомцев (fear of strangers). Эта реакция простирается от легкой настороженности до громкого плача при виде незнакомого человека, причем более сильные реакции обычно отмечаются, когда малыш плохо себя чувствует или оказывается в незнакомой обстановке(р.321-326).

Рис.3. С помощью хватательного рефлекса эта месячная малышка уцепилась за кофту своей матери.

Но реакции малыши не ограничиваются выражением сильных эмоций. К 8 месяцам малыши обычно способны ползать и поэтому могут начать активно следовать за удаляющимся родителем. Младенцы предпринимают наиболее скоординированные усилия, чтобы сохранить контакт, когда родитель уходит внезапно, а не медленно, или когда они оказываются в незнакомых условиях (р. 256-259) (см. рис. 3.5).

Как только у младенца появляется способность активно следовать за родителем, его поведение начинает консолидироваться в систему, корректируемую целью (goal-corrected system). То есть малыши следят за местонахождением родителя, и, если тот собирается уйти, настойчиво следуют за ним, "корректируя" или регулируя свои движения, пока снова не оказываются рядом с ним. Когда они приближаются к родителю, то, как правило, протягивают руки, показывая, чтобы их подняли. Когда их берут на руки, они снова успокаиваются (р.252).

Конечно, малыши часто движутся не только в сторону объектов привязанности, но и от них. Это особенно заметно, когда они используют опекуна в качестве надежной

отправной точки (secure base) своих исследований окружающего мира. Если мать и ее 1-2-летний ребенок приходят в парк или на игровую площадку, ребенок чаще всего держится рядом с ней некоторое время, а затем отваживается на исследования. Однако он периодически оборачивается назад, обменивается с ней взглядами или улыбками и даже возвращается к ней время от времени, перед тем как отважиться на новые исследования. Ребенок инициирует короткие контакты, "как будто пытаюсь удостовериться, что она по-прежнему здесь" (р. 209).

На взгляд Боулби, система привязанности функционирует на различных уровнях возбуждения. Иногда ребенок испытывает сильную потребность быть рядом с матерью; в других случаях он не испытывает почти никакой потребности в этом. Когда ребенок, начинающий ходить, использует мать в качестве надежной отправной точки своих исследований, уровень активации относительно низок. Разумеется, ребенок периодически следит за присутствием матери и может даже иногда возвращаться к ней. Но в целом ребенок может спокойно исследовать окружающий мир и играть на достаточном расстоянии от нее (Bowlby, 1988, р. 62).

Рис.4. Восьмимесячный малыш пытается следовать за своей матерью.

Однако эта ситуация может быстро измениться. Если ребенок оглядывается на мать и она его не замечает (или, что выглядит еще более угрожающим, как будто собирается уйти), малыш поспешит назад к ней. Ребенок также бросится назад, если его что-то испугает, например, громкий звук. В этом случае ребенок будет нуждаться в тесном физическом контакте и могут потребоваться продолжительные утешения, прежде чем он отважится еще раз отойти от матери (Bowlby, 1982, р. 257-259,373).

Поведенческая привязанность зависит также от других переменных, таких как внутреннее физическое состояние ребенка. Если ребенок болен или устал, потребность оставаться рядом с матерью перевесит потребность в исследовании (р. 258).

К окончанию первого года жизни важной переменной становится появление у ребенка общей рабочей модели объекта привязанности. То есть у ребенка на основе повседневных интеракций начинает формироваться общее представление о доступности и отзывчивости опекуна. Так, к примеру, годовалая девочка, у которой возникли

определенные сомнения относительно доступности ее матери, обычно испытывает тревогу, когда исследует новые ситуации, находясь на любом расстоянии от нее. Если, напротив, девочка пришла к заключению, что "моя мама любит меня и всегда будет рядом, когда я буду в ней по-настоящему нуждаться", она станет исследовать окружающий мир с большей смелостью и энтузиазмом. И все же она будет периодически проверять присутствие матери, ибо система привязанности слишком важна, чтобы быть в какой-либо момент полностью отключенной (Bowlby, 1973, p. 203-206; 1982, p. 354,373).

Фаза 4 (3 года - окончание детства): партнерское поведение.

До 2-3-летнего возраста детей беспокоит лишь их собственная потребность находиться в определенной близости к опекуну; они еще не принимают в расчет планы или цели опекуна. Для 2-летнего малыша знание, что мать или отец "уходят на минуту к соседям, чтобы попросить молока", ничего не значит; ребенок просто захочет пойти вместе с ними. Трехлетка же имеет некоторое понятие о подобных планах и может мысленно представить поведение родителя, когда тот отсутствует. Соответственно, ребенок более охотно позволит родителю уйти. Ребенок начинает действовать больше как партнер в отношениях.

Боулби признавал (Bowlby, 1982, p. 387), что о четвертой фазе привязанности известно немного, и мало высказывался о привязанностях в течение остальной жизни. Тем не менее он сознавал, что они продолжают играть очень важную роль. Подростки избавляются от родительского доминирования, но у них формируются привязанности к лицам, заменяющим родителей; взрослые считают себя независимыми, но ищут близости с любимыми в периоды кризиса; а пожилые люди обнаруживают, что они все больше зависят от более молодого поколения (p. 207). В общем, Боулби утверждал, что страх одиночества - один из самых сильных страхов в человеческой жизни. Мы можем считать такой страх глупым, невротическим или незрелым, но за ним стоят веские биологические причины. На протяжении всей истории человечества людям удавалось наиболее эффективно выдерживать кризисы и противостоять опасностям с помощью своих близких. Таким образом, потребность в тесных связях заложена в нашей природе (Bowlby, 1973, p. 84,143, 165).

Привязанность как импринтинг

Теперь, когда мы довольно подробно рассмотрели привязанность ребенка, мы можем оценить тезис Боулби, гласящий, что привязанность развивается аналогично импринтингу у животных. Импринтинг, как вы помните, - это процесс, посредством которого животные усваивают стимулы, инициирующие их социальные инстинкты. В частности, детеныши животных узнают, за каким движущимся объектом им надо следовать. Они начинают с готовностью следовать за широким кругом объектов, но этот круг быстро сужается, и в конце периода импринтинга они обычно следуют только за

матерью. На этом этапе реакция страха ограничивает способность формировать новые привязанности.

У людей мы можем наблюдать похожий процесс, хотя он развивается намного медленнее. В течение первых недель жизни малыши не могут активно следовать за объектами, перемещаясь с места на место, но они направляют на людей социальные реакции. Они улыбаются, лепечут, цепляются, плачут и т. д. - все это помогает удерживать людей рядом. Сначала малыши направляют эти реакции на любого человека. Однако к 6-месячному возрасту они сужают свою привязанность до нескольких людей, и одного в особенности. Они хотят, чтобы рядом был именно этот человек. На этом этапе они начинают бояться незнакомцев и, когда научаются ползать, следуют за своим основным объектом привязанности всякий раз, когда тот удаляется. Тем самым у них вырабатывается импринтинг на определенного человека; именно он инициирует следование.

ЭФФЕКТ ВОСПИТАНИЯ В ДЕТСКИХ ДОМАХ

Интернатская депривация

Как мы упоминали во вступительных замечаниях, Боулби обратился к этологии как к способу объяснения травмирующих и, по-видимому, необратимых эффектов интернатской депривации. Его особенно поразила неспособность многих детей, воспитывавшихся в детских домах, установить в дальнейшей жизни глубокие отношения привязанности. Он называл этих индивидуумов "личностями, лишенными любви"; такие индивидуумы используют людей только в собственных интересах и кажутся неспособными завязать с другим человеком любящие, продолжительные отношения (Bowlby, 1953). Возможно, эти люди в детстве были лишены возможности выработать импринтинг на какую-либо человеческую фигуру - установить отношения любви с другим человеком. Поскольку у них не развилась способность к близким связям в течение нормального раннего периода, во взрослой жизни их отношения остаются поверхностными.

Условия во многих детских домах действительно кажутся неблагоприятными для формирования близких человеческих связей. Во многих детских домах о малышах заботятся несколько нянек, которые могут удовлетворять их физические потребности, но у которых мало времени на то, чтобы общаться с ними. Часто рядом нет никого, кто мог бы откликнуться на плач малышей, улыбнуться им в ответ, поговорить с ними, когда они лепечут, или взять их на руки, когда они этого хотят. Поэтому малышу трудно установить прочную связь с каким-то определенным человеком.

Если "неспособность выработать импринтинг" объясняет эффекты интернатской депривации, должен быть некий критический период, по истечении которого эти эффекты становятся необратимыми. То есть у малышей, испытывающих до определенного

возраста недостаток интеракций с людьми, может так никогда и не выработаться адекватное социальное поведение. Однако исследователи затрудняются указать точные сроки подобного критического периода. Обсуждение импринтинга у Боулби (Bowlby, 1982, р. 222-223; см. также 1953, р. 58) предполагает, что критический период оканчивается с появлением реакции страха, как это происходит и у других видов. Тогда окончание критического периода приходится на 8-9-месячный возраст - возраст, к которому почти все малыши демонстрируют определенный страх разлучения с опекуном, а также боязнь незнакомцев. Фактически, ряд данных показывает, что малыши, лишенные интеракций с людьми до этого времени, могут испытывать постоянные трудности с вокализацией (Ainsworth, 1962). В целом, однако, представляется, что терапевтическое вмешательство может устранить большинство социальных недостатков до 18-24-месячного возраста. Согласно одной точке зрения, интернатская депривация как бы помещает малышей в "холодильную камеру", замедляя социальный рост и растягивая критический или сенситивный период (как это происходит и у некоторых других видов). После этого момента малыши, испытывающие недостаток в интеракциях с людьми, могут так и не начать нормально развиваться (Ainsworth, 1973).

Разлучение

Хотя Боулби интересовался "неспособностью выработать импринтинг", еще больше его занимали случаи, когда у ребенка формировалась привязанность, а затем он страдал от разлучения. Перелом во взглядах на такие ситуации был вызван научным фильмом, снятом коллегой Боулби Джеймсом Робертсоном в 1952 г. Фильм запечатлел 8-дневную госпитализацию Лоры, нормальной 2-летней девочки. Как было принято в то время, посещения Лоры членами ее семьи были ограничены, и страдания маленькой девочки произвели глубокое впечатление на всех, кто смотрел фильм.

Согласно Боулби и Робертсону (Bowlby, 1982, chap. 2), эффекты разлучения, как правило, протекают по следующему сценарию. Сначала дети протестуют; они плачут, кричат и отвергают все виды заботы, предлагаемой взамен. Далее они проходят через период отчаяния; они затихают, уходят в себя, становятся пассивными и, по-видимому, находятся в состоянии глубокой печали. Наконец, наступает стадия отчужденности. В этот период ребенок более оживлен и может принять заботу медсестер и других людей. Больничный персонал может посчитать, что ребенок поправляется. Однако не все так хорошо. Когда мать возвращается, ребенок не хочет ее признавать: он отворачивается и, по-видимому, потерял к ней всякий интерес.

К счастью, большинство детей восстанавливают свою связь с матерью спустя какое-то время. Но бывают и исключения. Если разлучение было продолжительным и если ребенок лишился других опекунов (например, медсестер), он может утратить доверие ко всем людям. Результатом в этом случае также становится "личность, лишенная любви", человек, который перестает по-настоящему заботиться об окружающих.

Эйнсуорт

Боулби и Робертсон предупредили нас о вреде, который может нанести нормальной привязанности помещение в изолированные условия. Но обычное воспитание детей также может варьироваться в том, насколько оно способствует здоровой привязанности. Ученым, проводившим основополагающие исследования по этому вопросу, стала Мэри Д. С. Эйнсуорт (Mary D. Ainsworth).

Эйнсуорт родилась в 1903 г. в Огайо, росла в Торонто и в 16-летнем возрасте поступила в Торонтский университет. Там на нее произвела сильное впечатление теория Уильяма Блатца (Blatz), который обратил внимание на то, что родители могут создавать или не создавать свои м детям безопасные условия, и на то, как это происходит. Эйнсуорт казалось, что эти идеи помогают ей понять, почему она испытывает некоторую застенчивость в социальных ситуациях. Она продолжила учебу в университете и получила докторскую степень (посвятив свою диссертацию теории Блатца), а затем несколько лет преподавала психологию. В 1950 г. она вышла замуж за Лена Эйнсуорта, и супруги переехали в Англию, где она откликнулась на газетное объявление, в котором Джон Боулби подыскивал себе ассистента. Так началось их 40-летнее сотрудничество. В 1954 г. Лен принял предложение поработать преподавателем в Уганде, и Эйнсуорт использовала свое двухлетнее пребывание в этой стране для поездок по деревням близ столицы Кампалы, чтобы провести тщательные натуралистические наблюдения того, как малыши привязываются к своим матерям (Кегел, 1994). Результаты этих исследований составили ее книгу "Младенцы в Уганде" (Infancy in Uganda, 1962), где описаны фазы привязанности, которые Боулби выделил в своих трудах. Угандийские исследования также навели ее на размышления о различных паттернах привязанности среди индивидуальных малышей и о том, как малыши используют мать в качестве надежной отправной точки своих исследований. Боулби (Bowlby, 1988) приписал Эйнсуорт заслуги в открытии младенческого поведения, связанного с надежной отправной точкой.

Прибыв из Африки в Соединенные Штаты, Эйнсуорт в Балтиморе начала исследование, объектом которого были 23 малыша из семей среднего класса и их матери. Эта работа позволила выделить паттерны привязанности, которые способствовали многочисленным исследованиям в области психологии развития.

Паттерны привязанности

В балтиморском исследовании Эйнсуорт и ее студенты наблюдали малышей и их матерей в домашних условиях в течение первого года жизни детей, проводя в их домах примерно 4

часа каждые 3 недели. Когда младенцам было 12 месяцев, Эйнсуорт решила посмотреть, как они поведут себя в новой обстановке; с этой целью она привела их и их матерей в игровую комнату Университета Джона Хоп-кинса. Ее особенно интересовало, как малыши будут использовать мать в качестве отправной точки своих исследований и как они прореагируют на два коротких разлучения. Во время первого разлучения мать оставляла малыша с незнакомцем (приветливой аспиранткой); во время второго малыш оставался в одиночестве. Каждое разлучение длилось 3 минуты, укорачиваясь, если малыш проявлял слишком сильное беспокойство. Вся процедура, продолжавшаяся 20 минут, была названа Незнакомой ситуацией. Эйнсуорт и ее коллеги (Ainsworth, Bell & Stanton, 1971; Ainsworth, Blehar, Waters & Wall, 1978) наблюдали следующие три паттерна.

1. Надежно привязанные младенцы (securely attached infants).

Вскоре после прихода в игровую комнату с матерью эти малыши начинали использовать ее в качестве отправной точки для своих исследований. Но когда мать покидала комнату, их познавательная игра шла на убыль и иногда они проявляли заметную обеспокоенность. Когда мать возвращалась, они активно ее приветствовали и некоторое время оставались рядом с ней. Как только к ним опять возвращалась уверенность, они с готовностью возобновляли свое исследование окружающей обстановки.

Когда Эйнсуорт изучила записи наблюдений за этими детьми, сделанные ею ранее у них дома, то обнаружила, что их матери, как правило, оценивались как сенситивные и быстро реагирующие на плач и другие сигналы своих малышей. Матери всегда были доступны и делились своей любовью, когда малыши нуждались в утешении. Малыши, со своей стороны, плакали дома очень редко и использовали мать в качестве отправной точки своих домашних исследований.

Эйнсуорт полагает, что эти младенцы демонстрировали здоровый паттерн привязанности. Постоянная отзывчивость матери придала им веры в нее как в своего защитника; одно ее присутствие в Незнакомой ситуации придавало им смелости, чтобы активно исследовать окружающую обстановку. В то же время их реакции на ее уход и возвращение в этой новой среде свидетельствовали о сильной потребности в близости к ней - потребности, которая имела огромную жизненную ценность на протяжении всей человеческой эволюции. При исследованиях методом выборки по всем Соединенным Штатам было установлено, что этот паттерн характерен для 65-70 % годовалых малышей (Goldberg, 1955; van Ijzendoorn'& Sagi, 1999).

2. Неуверенные, избегающие младенцы (insecure-avoidant infants).

Эти младенцы выглядели достаточно независимыми в Незнакомой ситуации. Оказавшись в игровой комнате, они сразу же начинали изучать игрушки. Во время своих исследований они не использовали мать в качестве отправной точки в том смысле, что не подходили к ней время от времени. Они ее просто не замечали. Когда мать покидала

комнату, они не проявляли беспокойства и не искали близости с ней, когда она возвращалась. Если она пыталась взять их на руки, они старались этого избежать, вырываясь из ее объятий или отводя взгляд. Этот избегающий паттерн был выявлен примерно у 20 % младенцев в американских выборках (Gold-berg, 1995; van Ijzendoorn & Sagi, 1999).

Поскольку эти малыши демонстрируют такую независимость в Незнакомой ситуации, они кажутся многим людям исключительно здоровыми. Но когда Эйнсуорт увидела их избегающее поведение, то предположила, что они испытывают определенные эмоциональные трудности. Их отчужденность напомнила ей детей, которые пережили травмирующее разлучение.

Домашние наблюдения подтвердили догадку Эйнсуорт, что что-то обстоит не так. Матери в этом случае оценивались как относительно несенситивные, вмешивающиеся и отвергающие. И малыши часто казались неуверенными в себе. Хотя некоторые из них были дома очень независимыми, многие тревожились по поводу местонахождения матери и громко плакали, когда мать уходила из комнаты.

Таким образом общая интерпретация Эйнсуорт сводится к следующему: когда эти малыши попадали в Незнакомую ситуацию, они опасались, что не смогут найти у своей матери поддержки и поэтому реагировали в оборонительном ключе. Они избирали безразличную, сдержанную манеру поведения, чтобы себя защитить. Их так часто отвергали в прошлом, что они пытались забыть о своей потребности в матери, чтобы избежать новых разочарований. А когда мать возвращалась после эпизодов разлучения, они отказывались на нее смотреть, как бы отрицая какие-либо чувства к ней. Они вели себя так, как будто говорили: "Кто ты? Должен ли я тебя признавать? - ту, которая не поможет мне, когда мне это будет нужно" (Ainswort K et al., 1971, p. 47; 1978, p. 241-242,316).'

Боулби (Bowlby, 1988, p. 124-125) полагал, что это оборонительное поведение может стать фиксированной и всеохватывающей частью личности. Ребенок превращается во взрослого, который излишне самонадеян и отчужден, - в человека, который не может никогда "опустить забрало" и поверить другим настолько, чтобы установить с ними тесные отношения.

3. Неуверенные, амбивалентные младенцы (insecure-ambivalent infants).

В Незнакомой ситуации эти младенцы держались настолько близко к матери и так беспокоились по поводу ее местонахождения, что практически не занимались исследованиями. Они приходили в крайнее волнение, когда мать покидала комнату, и проявляли заметную амбивалентность по отношению к ней, когда она возвращалась. Они то тянулись к ней, то сердито отталкивали ее.

У себя дома эти матери, как правило, обращались со своими малышами в непоследовательной манере. Иногда они бывали ласковыми и отзывчивыми, а иногда нет. Эта непоследовательность, очевидно, оставляла малышей в неуверенности относительно того, будет ли их мама рядом, когда они будут в ней нуждаться. В результате, они обычно хотели, чтобы мать была поблизости - желание, которое сильно возрастало в Незнакомой ситуации. Эти малыши очень расстраивались, когда мать покидала игровую комнату, и настойчиво пытались восстановить контакт с ней, когда она возвращалась, хотя при этом также изливали на нее свой гнев. Амбивалентный паттерн иногда называют "сопротивлением", поскольку дети не только отчаянно добиваются контакта, но и сопротивляются ему. Этот паттерн характеризует 10-15% годовалых детей в выборках по США (Goldberg, 1995; van Ijzendoorn & Sagi, 1999).

Последующие исследования

Если незнакомая ситуация выявляет фундаментальные различия среди детей, она должна предопределять различия и в их последующем поведении. Некоторые исследования показали, что младенцы, классифицируемые как надежно привязанные в Незнакомой ситуации, продолжали вести себя иначе, чем другие дети, на протяжении всего периода детства вплоть до 15 лет (предельный изученный возраст). При выполнении когнитивных задач надежно привязанные дети отличались большим упорством и опорой на собственные силы. В социальной обстановке - например, в летних лагерях - они получали более высокие баллы по таким качествам, как дружелюбие и лидерство (Weinfeld, Sroufe, Egeland & Carlson, 1999). Эти данные подтверждают точку зрения Эйнсуорт, что надежно привязанные младенцы демонстрируют наиболее здоровый паттерн развития.

В дальнейшем обнаружить различия в поведении избегающих и амбивалентных детей труднее. Как и ожидалось, дети, которых в младенчестве отнесли к амбивалентным, продолжают проявлять в своем поведении тревожность и зависимость. Но и дети, первоначально отнесенные к категории избегающих, нередко демонстрируют очень зависимое поведение. Возможно, избегающий паттерн отчужденной независимости закрепляется не ранее 15-летнего возраста или около того.

Эйнсуорт сообщила, что надежная привязанность является следствием материнской чувствительности к сигналам и потребностям детей. Это открытие теоретически значимо, поскольку этологи считают, что детям присущи врожденные жесты, которые должны приниматься во внимание, чтобы развитие протекало должным образом.

Результаты, полученные Эйнсуорт, многократно подтверждались и подтверждаются и другими исследователями. В то же время степень влияния материнской чувствительности для формирования надежной привязанности варьируется, что указывает на необходимость точного измерения и изучения и других переменных (Hesse, 1999).

Исследователи привязанности Маринус ван Изендорн и Авраам Саги предприняли попытку проверить культуральную универсальность паттернов Эйнсуорт. Они сообщают (Ijzendorrn & Sagi, 1999), что Незнакомая ситуация приводит к тем же трем паттернам в различных частях мира, включая города и сельские районы Израиля, Африки, Японии, Китая, Западной Европы и США. Во всех выборках надежная привязанность является доминирующим типом, но имеются и различия. Выборки по США и Западной Европе содержат наивысший процент избегающих детей. Возможно, акцент на независимость, делаемый в западном обществе, заставляет родителей игнорировать потребности малышей, и те защищают себя с помощью избегающего поведения.

Рабочие модели для детей и взрослых

Исследования привязанности продвигаются вперед стремительными темпами, и одной из наиболее популярных тем является вопрос внутренних рабочих моделей. Боулби, как вы помните, сделал рабочей моделью ожидания и чувства ребенка в отношении отзывчивости объекта привязанности. Поскольку рабочая модель включает в себя внутренние психические события, ее трудно исследовать в младенчестве; мы не можем задать малышам вопросы о том, что они думают и чувствуют. Но после 3-летнего возраста или около того исследования становятся возможными. К примеру, Бретертон, Риджуэй и Кэссиди (Bretherton, Ridgeway & Cassidy, 1990) обнаружили, что трехлетки могут завершать истории о ситуации, касающейся привязанности. Так, они могли придумать окончания к истории о ребенке, который упал и ушиб колено во время прогулки со своей семьей. Как и предполагалось, надежно привязанные дети, в сравнении с другими, чаще всего изображали родителей в своих окончаниях истории как отзывчивых и готовых прийти на помощь (например, они говорили, что родитель наложит повязку на колено ребенка).

У взрослых также формируются определенные мысли и чувства по поводу привязанности, и их установки, без сомнений, влияют на то, как они относятся к своим детям. Мэри Мейн и ее коллеги (Main, Kaplan & Cassidy, 1985; Main & Goldwyn, 1987) в интервью "Привязанности взрослых" задавали матерям и отцам вопросы относительно их собственных ранних воспоминаний. Сосредоточив внимание на открытости и гибкости ответов родителей, Мейн выработала типологию, которая, как оказалось, очень хорошо коррелирует с классификациями детей в Незнакомой ситуации (Hesse, 1999). Типы Мейн включают в себя:

Уверенных/самостоятельных (secure/autonomous) рассказчиков, которые говорят о собственном раннем опыте открыто и свободно. Дети этих родителей, как правило, питали к ним надежную привязанность. Очевидно, приятие родителями собственных чувств идет рука об руку с приятием сигналов и потребностей их малышей.

Отрицающих привязанность (dismissing of attachment) рассказчиков, которые говорят о своем опыте привязанности так, будто он маловажен. Эти родители, как правило, имели

неуверенных, избегающих детей; они отвергали собственный опыт во многом таким же образом, каким они отвергали стремление своих младенцев к близости. Озабоченных (preoccupied) рассказчиков, интервью с которыми позволяют предположить, что они по-прежнему стараются, скрыто или явно, завоевать любовь и одобрение собственных родителей. Возможно, что их собственные нужды мешают им последовательно реагировать на потребности своих младенцев (Main & Goldwyn, 1995).

Несколько исследований показали, что когда родителей интервьюируют до рождения у них детей, классификации их интервью коррелируют с поведенческой привязанностью их годовалых малышей в Незнакомой ситуации. Например, Фонаджи (Fonagy) и другие установили, что, если предродовое интервью с матерью отличалось уверенностью/самостоятельностью, а с отцом - отрицанием, ребенок в Незнакомой ситуации чаще всего держался уверенно с матерью и избегал отца. В ряде подобных исследований сообщалось, что классификации родителей и детей совпадают примерно на 70 % (Main, 1995).

Подобные результаты обнадеживают, но не во всем еще удалось достичь полной ясности. Исследователям трудно обнаружить и оценить конкретные пути, какими мышление родителей в интервью "Привязанность взрослых" влияет на поведенческую привязанность детей (Hesse, 1999, p. 410-411; см. также Haft & Slade, 1989).

Взгляд Боулби/Эйнсуорт на воспитание детей

Боулби (1982, p. 356) говорил, что и родители, и специалисты раз за разом задают один основополагающий вопрос: должна ли мать всегда удовлетворять потребности малыша в ее присутствии и внимании? Есть опасения, что излишнее внимание ведет к избалованности.

Позиция Боулби/Эйнсуорт такая же, как и у Гезелла. Эволюция снабдила младенцев сигналами и жестами, которые обеспечивают здоровое развитие, и разумнее всего на них реагировать. Будучи родителями, мы должны следовать своему импульсу спешить к своим малышам, когда они плачут, улыбаться им в ответ, разговаривать с ними, когда они лепечут, и т. д. Младенцы биологически готовы к тому, чтобы направлять нас в отношении опыта, который им 'необходим, и наши отношения с ними будут развиваться наиболее благоприятным образом, если мы последуем их подсказкам.

Как было показано, эту позицию подкрепляют исследования Эйнсуорт и других ученых. Привязанность годовалых малышей к родителям была сильной, если те сенситивно и быстро реагировали на сигналы своих младенцев. В домашней обстановке эти малыши плачут реже, чем другие младенцы, и относительно независимы. По-видимому, у них вырабатывается чувство, что они всегда могут добиться внимания родителя в случае необходимости, поэтому они могут расслабиться и исследовать окружающий мир.

Конечно, такие младенцы следят за тем, где находятся родители; система привязанности слишком сильна, чтобы быть полностью выключенной. Но даже в новой обстановке они не проявляют чрезмерного беспокойства по поводу присутствия матери. Напротив, они используют ее в качестве надежной отправной точки своих исследований. Они отваживаются отходить от нее, чтобы изучить окружающую обстановку, и несмотря на то, что оглядываются и, возможно, возвращаются к ней время от времени, через короткое время возобновляют свои исследования. "Эта картина, - говорил Боулби, - свидетельствует об удачном равновесии между исследованием и привязанностью" (1982, р. 338).

Родители, по словам Боулби, могут воспитать избалованного и изнеженного ребенка. Но это произойдет не в результате их излишней сенситивности и отзывчивости на сигналы малыша. Если мы посмотрим внимательно, то увидим, что родитель берет всю инициативу на себя. Родитель может добиться близости к ребенку или излить на него любовь, хочет того ребенок или нет. Родитель не ориентируется на ребенка (р. 375).

В последние годы многие родители нашли новый способ вмешательства. Они обеспечивают своих младенцев и начинающих ходить детей всевозможными видами ранней стимуляции, от развивающих картинок до компьютеров, в попытке ускорить интеллектуальное развитие своих детей. Эйнсуорт считала подобное поведение родителей нездоровым, поскольку оно отнимает у ребенка слишком много инициативы (проецировано Кагеп, 1994, р. 416).

Родители могут принести больше пользы, утверждают Эйнсуорт и Боулби, если будут давать детям возможность следовать их собственным интересам. Часто родители могут это делать, просто оказываясь доступными для ребенка, обеспечивая его надежной отправной точкой в его исследованиях. К примеру, когда маленькая девочка хочет взобраться на большой камень или окунуться в морской прибой, присутствие родителя необходимо ради безопасности ребенка и оказания помощи, если она потребуется. Но ребенок не нуждается в надзоре и наставлениях родителя. Все, что ему нужно, - это доступность терпеливого родителя. Одно это придает ему необходимую уверенность" чтобы смело осваивать новые виды деятельности и самому исследовать мир.

По мере того как дети взрослеют, они могут успешно проводить все более продолжительное время в полном отрыве от своих основных опекунов. Пятилетние дети могут уходить в школу на полдня и даже более, а подростки способны проводить недели или даже месяцы вдали от дома. Однако все мы преодолеваем жизненные трудности с наибольшей уверенностью, когда знаем, что у нас есть домашний очаг, хранимый нашей семьей или компаньонами, к которому мы можем вернуться. "Все мы, от колыбели до могилы, счастливы более всего, когда жизнь организована в виде серии экскурсий, долгих или коротких, от некоей надежной отправной точки, обеспечиваемой нашим(и) объектом(ами) привязанности" (Bowlby, 1988, р. 62).

Разлучение. Боулби, как мы видели, был одним из первых, кто привлек внимание к потенциально опасным эффектам разлучения с родителями. Его работа с Джеймсом Робертсоном в начале 1950-х гг. убедила многих, что помещение маленького ребенка в больницу при редких контактах с родителями вызывает у ребенка сильные страдания, и с годами все больше и больше больниц стали разрешать матерям и отцам жить в одной палате со своими маленькими детьми.

Работа Боулби имеет также значение для подбора приемных родителей и воспитателей. Если нам необходимо переместить ребенка из одной семьи в другую, мы должны принять во внимание стадию привязанности малыша. Если возможно, наиболее разумным, по-видимому, будет помещение малыша в постоянные домашние условия в течение первых нескольких месяцев жизни, до того как он начнет направлять свою любовь на какого-то одного человека. Разлучение, скорее всего, будет наиболее болезненным в возрасте между 6 месяцами и 3-4 годами. В это время у ребенка интенсивно формируются привязанности и отсутствуют независимость и когнитивные способности, позволяющие справиться с разлучением в адаптивной манере (Ainsworth, 1973).

Интернатская депривация

Как отмечалось, Боулби также одним из первых привлек внимание к потенциально вредным последствиям воспитания в детских домах. В начале 1950-х гг. он заметил, что во многих детских домах контакты между детьми и взрослыми настолько редки, что дети неспособны привязаться к кому-либо из взрослых. Труды Боулби оказали позитивное воздействие и на эту сферу.

В 1970 г., продолжая ту же традицию, педиатры Маршалл Клаус и Джон Кеннелл стали доказывать, что обычный больничный уход за новорожденным малышом уже является разновидностью интернатской депривации. До этого в родильных домах новорожденных, как правило, держали отдельно от матерей в течение продолжительного времени. Малыш находился в детской палате, и его кормили раз в 4 часа. Эта практика служила предотвращению инфекций, но основным эффектом, согласно Клаусу и Кеннеллу (Klaus & Kennell, 1970), было лишение матерей возможности начать устанавливать связь со своими младенцами. Это особенно нежелательно потому, что первые несколько дней могут составлять "сенситивный период" в процессе формирования связи.

Клаус и Кеннелл (Klaus & Kennell, 1970, 1983) указали, что на протяжении значительной части человеческой эволюции матери носили новорожденных на себе и в этой материнской среде у малышей проявлялись реакции и качества, которые с самого начала облегчали формирование привязанности. Новорожденные широко раскрывают глаза и оживают на короткое время, перестают плакать, когда оказываются на плече у взрослого, радуются тому, что их нянчат, и поражают родителей своей миловидностью. Подобные реакции и качества незамедлительно пробуждают у матери чувство любви. Она

любит своего малыша, который внимательно смотрит на нее, которого утешают ее объятия, который наслаждается ее грудью и который выглядит так прелестно. Тем самым, мать сразу же начинает устанавливать связь с малышом - или начинала до появления современных родильных домов.

Клаус и Кеннелл (Klaus & Kennell, 1983) указали на ряд исследований, которые свидетельствуют, что развитие протекает более успешно, когда матерям и малышам предоставляют хотя бы несколько дополнительных часов ухода во время их пребывания в родильном доме. Матери выглядят более уверенными и спокойными и чаще кормят грудью, а малыши кажутся более счастливыми. Однако критики приводят веские аргументы в пользу того, что Клаус и Кеннелл преувеличили степень исследовательской поддержки (Eyre, 1992). Несмотря на это, Клаус и Кеннелл пробудили интерес к самым ранним стадиям привязанности и оказали позитивное влияние на политику родильных домов, которые теперь разрешают более тесные контакты матери и младенца.

Дневной уход

Сейчас, когда все большее число американских матерей работают вне дома, семьи начинают обращаться за помощью в центры дневного ухода и отдают в них своих детей во все более раннем возрасте. И действительно, дневной уход за младенцами (детьми до 12-месячного возраста) стал уже вполне обычным явлением.

В некоторой степени дневной уход превратился в вопрос политический. Некоторые люди доказывают, что дневной уход поддерживает право женщин на профессиональную карьеру. Другие ратуют за дневной уход потому, что он позволяет малоимущим родителям трудиться и зарабатывать больше денег. Тем не менее Боулби (Kagan, 1994, chap. 22) и Эйнсуорт усомнились в его полезности. Не препятствует ли ранний дневной уход установлению связи с родителем? Каковы эмоциональные эффекты ежедневного разлучения с родителями в первые несколько лет жизни?

Исследования подобных вопросов по-прежнему страдают неполнотой, но ясно, что даже младенцы, которые проводят в центре дневного ухода по несколько часов в день, привязываются прежде всего к своим родителям, а не к воспитателям из центра (Clark-Stewart, 1989). Также очевидно, что дети, которых отдают в центры дневного ухода после 12-месячного возраста, в целом не страдают от негативных последствий - при условии что дневной уход хорошего качества (осуществляется постоянным персоналом, который заботится о потребностях каждого ребенка). Но многих исследователей беспокоят дети, которых отдают в центры дневного ухода до 12-месячного возраста. У этих малышей нередко отмечается неуверенная, избегающая привязанность к своим родителям. И все-таки представляется, что этот риск можно компенсировать за счет сенситивного, отзывчивого поведения родителей и высококачественного дневного ухода (Rutter &

O'Connor, 1999; Stroufe et al., 1996, p. 234-236). Беда в том, что качественный дневной уход не всегда легко найти или позволить себе.

В каком-то смысле поиск качественного дневного ухода в действительности отражает более широкие проблемы современного общества, как на это пытались указать Боулби (Bowlby, 1988, pp. 1-3) и Эйнсуорт (Kagel, 1994, p. 415). Прежде в сельских общинах родители могли взять детей с собой на работу в поле или в мастерскую и, возможно, получали большую помощь со стороны дедушек и бабушек, тетушек и дядюшек, подростков и друзей. То было также время игр и социализации с детьми. В сегодняшнем суматошном мире иная ситуация. Родители обычно живут отдельно от своих родственников и должны воспитывать детей в одиночку и к тому же часто возвращаются домой с работы слишком усталыми, чтобы проявить настоящую отзывчивость к своим детям. Попытки выделить полчаса "качественного времени" для детей каждый вечер указывают лишь на то, какими загруженными стали родители. Таким образом, хотя качественный дневной уход может казаться желанным, в действительности родителям нужны трудовые и социальные нововведения, которые позволят им проводить значительно больше времени в общении с детьми, отдыхая и получая удовольствие от этого.

Оценка

Боулби и этологи позволили нам по-новому взглянуть на многие стороны детского поведения. До знакомства с трудами Боулби мы могли рассматривать плач младенцев всего лишь как проявление инфантильности, а их улыбки - как повод для умиления. Но Боулби помог нам понять, как эти и другие модели поведения способствовали выживанию нашего вида. Плач подобен сигналам бедствия у других видов; он обеспечивает родительскую помощь в трудные минуты. Улыбки также вызывают у родителей желание быть рядом с ребенком, пробуждая в них любовь и заботу. Тем самым, мы видим, как дети могут быть запрограммированы от рождения подавать сигналы и жесты, которые обеспечивают близость к родителям и упрочивают узы любви с ними.

Одним из критериев значимости теории является ее способность стимулировать новые исследования. В этом отношении теория Боулби/Эйнсуорт оказалась исключительно успешной. Предложенная Эйнсуорт типология привязанности стала источником огромного числа исследований.

Чем объяснить этот интерес? Один из факторов - универсальность метода Эйнсуорт. До этого у психологов не было возможности так быстро диагностировать и предсказать поведение, как это можно сделать с помощью метода Незнакомой ситуации, занимающего 20 минут. Я также считаю, что Эйнсуорт затронула нечто, что психология оставляла без внимания. Когда появилась ее работа, исследователи начали переходить от бихевиоризма (который отрицал внутренние мысли и чувства) к когнитивным моделям, но

темы исследований по-прежнему выглядели обезличенными. Казалось, люди наделены умом, но лишены эмоций и взаимоотношений. Вдобавок, это исследование проводилось в американском обществе, где высоко ценились индивидуальный успех и достижения, но люди часто чувствовали себя изолированными и одинокими (Crain, 1995). Тем самым Эйнсуорт удовлетворила существовавшую потребность; она собрала объективные данные о человеческих отношениях. Точнее, она показала, как сенситивная забота способствует появлению детей, у которых независимость уравнивается потребностью в других людях (например, как в случае с ребенком, который использует родителя в качестве надежной отправной точки своих исследований). Исследования Эйнсуорт можно сравнить с дуновением свежего ветра.

Это не означает, что все соглашались с точкой зрения Боулби/ Эйнсуорт. Джей Белски (Belsky, 1999), сам теоретик привязанности, бросил вызов их представлению о том, что надежная привязанность является самой здоровой формой. Белски доказывает, что в некоторых условиях избегающий или амбивалентный паттерны могут быть более адаптивными. Избегающие взрослые (как они оцениваются с помощью интервью "Привязанность взрослых") завязывают поверхностные отношения и предпочитают относительно бурную сексуальную жизнь - поведение, которое ценится в трудные времена, когда существует потребность в многочисленном потомстве. Избегающие индивидуумы, возможно, и не вкладывают душу в воспитание ребенка, зато они произведут на свет множество детей. Подобным же образом, говорит Белски, бывают времена, когда родителям необходимо воспитать беспомощных и зависимых детей, которые, став взрослыми, останутся дома и окажут помощь.

Идеи Белски интересны, но весьма умозрительны. Пока он не назовет реальные общества и исторические периоды, мне трудно представить, как общество может быть адаптивным, если в нем доминируют взрослые, которые не ценят взаимоотношения и заботу о детях.

Джером Каган (Kagan, 1984), со своей стороны, доказывает, что Эйнсуорт игнорирует роль врожденного темперамента. Каган говорит, что избегающие младенцы, к примеру, не замечают мать в Незнакомой ситуации не потому, что защищают себя от возможности быть отвергнутыми, а потому, что от рождения бесстрашны. Однако теоретики привязанности приводят множество фактов, которые показывают, что паттерны привязанности нельзя свести к врожденному темпераменту. И все же некоторые данные указывают на то, что темперамент может косвенно способствовать привязанности. Например, когда мать и ее малыш обладают очень непохожими темпераментами, матери может быть нелегко сенситивно реагировать на малыша, в результате чего тому становится сложнее выработать надежную привязанность к ней (Stroufe et al., 1996, p. 127-129).

Основным недостатком трудов самого Боулби, на мой взгляд, было расплывчатое и неуверенное использование специфических этологических понятий. Это странно, если

учесть, что Боулби был психоаналитиком, который столь решительно доказывал, что концепции Лоренца и Тинбергена подходят к человеческому развитию. Тем не менее он не всегда акцентировал внимание на том, в какой степени этологические понятия могут характеризовать человеческое поведение. Это особенно верно в отношении инициирующих раздражителей, специфических сочетаний внешних стимулов, которые вызывают срабатывание инстинктов. Когда малыши демонстрируют раннюю социальную улыбку, эту реакцию вызывает именно то, что они видят специфический стимул - смотрящее на них лицо. Подобным образом, когда младенцы начинают следовать за объектом привязанности, ключевым стимулом, по-видимому, является то, что они видят, как этот объект удаляется, особенно если это происходит внезапно. Можно было бы ожидать, что Боулби сделает упор на эти факты. Однако он только указал на них и перенес свое внимание на собственные идеи о формировании системы обратной связи, корректируемой целью. Возможно, он не хотел заходить слишком далеко в проведении параллелей между людьми и другими видами. Какой бы ни была причина, более строгий анализ того, когда инициирующие стимулы и традиционные этологические понятия приложимы, а когда не приложимы к человеческому поведению, был бы полезен.

Несмотря на подобную критику, Боулби и этологи помогают нам осознать важность рассмотрения человеческого развития в эволюционном контексте. Они также вселяют в нас чувство смирения, когда мы обращаем свое внимание на детей. Они помогают нам осознать, что мы не можем менять поведение детей по собственной прихоти. Эволюция снабдила детей реакциями и сигналами, которые необходимо учитывать, если мы хотим, чтобы развитие протекало должным образом. Если, к примеру, мы не отнесемся со вниманием к детскому плачу, улыбкам и другим сигналам, у детей не сформируются надежные привязанности, которые, по-видимому, столь необходимы для последующего социального роста. Поэтому, перед тем как пытаться изменить поведение детей, мы должны сначала понять, как оно следует плану Природы, направленному на здоровое развитие. Настаивая на уважительном отношении к Природе, этологи строго придерживаются эволюционной традиции.